

Илона Волынская, Кирилл Кащеев

КОНКУРС НЕПРИЯТНОСТЕЙ

ЧЕРНЫЙ КОТЕНОК

Илона Волынская

Кирилл Кащеев

Конкурс неприятностей

Серия «Детективное агентство «Белый гусь»», книга 14

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11633976

Конкурс неприятностей : [повесть] / Илона Волынская, Кирилл Кащеев: Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-81252-3

Аннотация

Нет, они еще не стали друзьями – Поинка, дочка местного миллионера, однажды решившая покататься на лошадках, Саша, мечтающая стать звездой конкурра, и Миша, которому для заветного звания мастера спорта по пятиборью не хватает только навыка верховой езды. Но ребятам придется объединиться, чтобы спасти конную школу от закрытия, а ее четвероногих обитателей – от печальной участи. И тут начнется – подделанные подписи, пропавшие лошади, загоревшаяся конюшня...

Словом, помощь консультанта из агентства «Белый гусь» будет очень кстати!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Кирилл Кашеев, Илона Волынская

Конкурс неприятностей

© Волынская И., Кашеев К., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Пролог

– Слышь, клиент просил это... не тянуть.

– Ну, ежели по просьбе клиента... – Щуплый мужичок в заляпанном темными пятнами халате сплюнул замусоленную сигарку на грязный цементный пол, загремел засовом. Решетка откатилась с металлическим лязгом, и мужичок шагнул внутрь.

Он сразу понял, что мужичок в халате идет к нему. Попятился, пытаясь вжаться в стену своей тюрьмы.

– Не балуй! – с равнодушной строгостью сказал мужичок, подталкивая его к выходу.

Он знал, что выходить нельзя. Доносящийся сквозь решетку запах был отчетливым, сильным запахом свежей крови. Точно так же пахли пятна на халате мужичонки. Он вскинулся, отчаянно пытаясь сопротивляться...

– Не балуй, я сказал!

Резкая боль – и на шее защелкнулось что-то вроде хомута с длинной ручкой, за эту ручку мужичонка поволок его наружу. И тогда он отчаянно, бессильно закричал. Остающиеся в камере ответили такими же жалобными криками, но его уже выволокли, и их вопли разбивались о захлопнувшуюся позади решетку. У него оставалась всего одна, крохотная надежда – те, кто привез его сюда, просто не могли так поступить! Они не могли! Они придут!

Словно кот из засады, грузовичок-фургон выскочил на трассу. Яростно прогудел что-то вроде «Кто не разбежался, я не виноват!» и вломился в поток машин. «Вольво» по-кошачьи поджался, вкапываясь в асфальт всеми четырьмя колесами. В фургоне снова прессанули клаксон, оглушая трассу тревожным гудком, и грузовичок ринулся вперед. Обошел неспешно катящую «Ладу-Приору» – ввжж-ж! Перестроился в другой ряд, вклинившись в щель между новенькой «бэхой» и «Газелью», дернул вперед, обошел «Газель», перестроился снова, насмерть перепугав холеный «мерс», метнулся под носом у «жигуля»... И вылетел на открытую трассу... прямо перед постом ДПС... и, не сбавляя скорости, просвистел мимо.

Взвыла сирена.

– Фургон номер... немедленно остановитесь! – заорали динамики.

Фургон мчался.

По узким сходам его вели через двор к двери металлического ангара. Распахнутая как жадный рот дверь дышала кровью. С каждым шагом запах становился все отчетливей. Туда входить нельзя. Он попытался упереться на сходах, но режущий горло ошейник не пустил, а сзади хлестнула жгучая боль, заставляя сделать шаг вперед. Помощи не было. Густая темная тень ангара упала на него, заставив мелко задрожать. Тянувший его мужичонка с силой дернул за сковывающий голову ошейник, и ему пришлось шагнуть в дверь.

Старый истертый указатель вынырнул с правой обочины. Фургон помчался еще быстрее – несущаяся следом милицейская машина придавала ему ускорения. На полной скорости грузовичок ринулся в поворот. В борт чувствительно грохнуло, что-то звонко, как отпущенная струна, хрустнуло... задние дверцы фургона распахнулись и теперь летали туда-сюда, колотясь о борта.

– Фургон номер... вы создаете аварийную ситуацию! – взвыла милицейская машина. Окутанная синим светом мигалок, она словно летела над дорогой.

В кузове фургона грохнуло. Из распахнутых дверей посыпалось какое-то шмотье. Округлый кусок металла пронесся над дорогой и врезался в милицейскую мигалку. Синие сполохи погасли, брызнули осколки. Фургон ухнул колесом в ямину – из распахнутых дверей призраком выпорхнуло здоровенное стеганое одеяло и залепило ветровое стекло милицейской машины. Ослепленный водитель отчаянно ударил по тормозам. Визжали протекторы, предсмертно орала сирена – машину повело юзом, и наконец она встала, зависнув одним колесом над ямой. Фургон газанул, стремительно уносясь вперед.

Его впихнули в тесный загончик – стальные перила сжали со всех сторон, не давая ни бежать, ни отвернуться. Он уже не пытался сопротивляться, только дрожь пробежала по коже, заставляла дергаться каждый мускул, и крупные слезы катились из широко распахнутых глаз. Надежды не оставалось. Помощь не придет. Его оставили, бросили... забыли.

Он еще раз безнадежно мотнул головой, когда щуплый мужичонка прилаживал у висков рамку с тянущимися от нее проводами.

– Слышь, чего-то там снаружи сирена орет? – покричали со двора.

– Нам-то какое дело, – проворчал мужичонка, прищурился – правильно ли прилажена рамка – и взялся за рубильник.

Стремительно несущийся фургон вынырнул перед закрытыми железными воротами. Застонали тормоза, фургон понесло в разворот... Вертась как на карусели, фургон бахнул в ворота – металлические створки ответили густым гулом, передняя фара грузовичка разлетелась вдребезги – и наконец встал. Из распахнувшихся дверей выскочили двое и ринулись к проходной, снося кинувшегося им наперерез охранника.

Глава 1

Саша

Двумя часами ранее

Я прощалась с любимым.

– Я все понимаю! – всхлипывая, бормотала я. – Тебе нужно уезжать! Тут у тебя никаких перспектив, а там совсем другие возможности... Только как же я без тебя? Мы же три года вместе! – Ощущение жгучей обиды захлестнуло меня, прожигая душу, словно на нее медленно капали кислотой. – Я же живой человек, мне больно! Нет-нет, не бойся, я не буду устраивать истерик! – Я крепче сомкнула руки вокруг шеи любимого, не позволяя ему отстраниться. Я знала, что мне его не удержать, но... еще хоть чуть-чуть, хоть минуточку побыть рядом, прижиматься щекой, чувствовать его запах! – Помнишь, как ты вот здесь меня к стенке притиснул? – я смущенно хихикнула. – У меня тогда аж дух отшибло, но все равно я была такая счастливая! А помнишь, как мы в первый раз встретились? Я в тебя сразу влюбилась, вот честное слово! – мой голос дрожал, я поняла, что сейчас снова ударюсь в слезы, и крепко зажмурилась. Губы любимого прижались к моим мокрым ресницам, его теплое дыхание осушило слезы. – Чего уж теперь целоваться-то? – я оттолкнула его. Шмыгнула носом раз, другой, пытаюсь взять себя в руки. И ведь ничего не изменишь. Ничего-го! – Ты хоть скучать по мне будешь? – невольно вырвалось у меня, но я тут же махнула рукой: – Первое время, наверное, будешь... А потом забудешь. Все вы одинаковые! Ой, я ж тебе яблок в дорогу привезла! – спохватилась я. Любимый потянулся к пакету. Ну конечно, кто б сомневался! – Совести у тебя нет! – снова заливаясь слезами, провыла я. – Я ведь тебя люблю! Я в тебе все люблю, я... даже навоз из-под тебя выгребать люблю! А тебе бы только жрать... у-у, жеребец! – и я погладила его по гладкой шелковистой морде. Гнедой дончак фыркнул и снова потянулся к пакету с яблоками.

– Вот что тебе не нравится? – Лида из старшей спортивной группы ввалилась на конюшню, походя сунула морковку выглянувшей из своего денника¹ Симке (она же Семирамида, серая кобылка орловских кровей). – Там конюшня в три раза лучше, корма отличные, он еще знаменитым станет – чем плохо?

– Я его с трех лет заезжала!² – жалобно проныла я, намекая, что неплохо бы проявить хоть чуть-чуть сочувствия моему горю. Ага, дождешься!

– А ты не знала, что с конем придется расстаться? – весело удивилась эта злая, бесчувственная девушка. – Может, ты и Димку заезжать не будешь? Его ведь тоже когда-нибудь продадут, или обменяют, или другому спортсмену передадут, а твое нежное сердце не выдержит такого потрясения... Ладно, уговорила – беру Димку себе!

– Эй, отвалила от моего Димона, у тебя свой конь есть! – От злости я чуть дверь денника не вынесла, не хуже, чем любимый копытом. Тем более конь у нее – совершенно роскошный ахалтекинец.

– Есть, точно как у всех: сегодня я этого коня выезжаю, а завтра р-раз – и отдали! – пробурчала Лида. – Кончай рыдать, а то солома отсыреет, и займись Димоном, пока хоть он у тебя остался!

Я глубоко вздохнула. Лидка права: работаешь не свою лошадь, не важно, государственную или частную, – будь готов с ней расстаться. А своя лошадь – пока недостижимая мечта.

¹ Денник – отдельное просторное стойло для верховых лошадей.

² Заезжать – в конном спорте – учить лошадь реагировать на команды.

Седло там, краги³, перчатки родители мне покупают, хотя и это недешевое удовольствие, но лошадь – совсем другие деньги, если, конечно, брать такую, на которой выступать можно, а не просто собственную попу по полям катать. Жизнь – боль.

Я в последний раз обняла любимого за шею, погладила шелковистый лоб с белым пятном звезды, пока он тыкался мордой мне в руки, выпрашивая угощение, изъела два яблока из принесенного для него пакета и закрыла за собой денник. Симка немедленно высунулась в коридор, требуя свою дань.

– Хорошо устроилась, морда лошадиная, все-то тебя кормят! – я протянула ей яблоко. – А ты скажи: все вы на мне ездите, ваша святая обязанность меня кормить! Ну что же делать, если ты у нас такая хорошая конкурная⁴ кобыла, умница девочка... – Я прижалась лбом к ее теплой ласковой морде. – Вот Димку поработаю и приду, потерпи часик. – И я направилась к деннику с надписью «Дипломат».

– Прими! – скомандовала я, и он послушно подался вправо. – Ах ты ж мой хороший, запомнил! – я немедленно сунула ему оставшееся яблоко. Он довольно захрупал, а я достала из ящика щетки и принялась надраивать его роскошную шкуру. – Эй-эй, стоять! – Димка слопал яблоко и плавно так, типа, никто никуда не идет, попытался выбраться из денника. – Во-первых, уважающий себя конь не может появиться на людях недочищенный, как полкартошки. Так что извольте подождать, пока я закончу, сударь! А во#вторых, без ногавок⁵ никуда не пойдешь! – Я присела застегнуть ногавки и огребла хвостом по физиономии. – Уздечку наденем, и я тебя выведу. Нет, дорогой мой, хочешь не хочешь, а если нам с тобой работать, трензель⁶ нужен. Я знаю, ты эту железяку жевать не любишь. А яблочки ты жевать любишь? Яблочки – только для тех, кто работает, а кто не работает, тому, извиняюсь, фигушки. Вот молодец! – Я вывела Димку в коридор и тут увидела Лиду, в задумчивости застывшую перед денником.

– Ты что, тут так все время и стоишь? – обалдело выдохнула я, оглядываясь на своего полностью вычищенного и снаряженного Димку.

– Нет, вообще-то я уже успела конюшню по кругу оббежать, – рассеяно обронила Лида. – Сашь, ты Банни не видела?

Я оглядела пустой денник с табличкой «Ганнибал» и отрицательно покачала головой.

– Мне Светлана Викторовна велела его почистить и промять, тут скоро прокатчики кататься приедут... а его нет! – развела руками Лида.

Банни, он же Ганнибал, еще совсем не старый, одиннадцатилетний клеппер, помесь пони и лошади, споко-о-ойный... как пуфик на ножках. И как все клепперы, не сильно высокий – самое то детишек и не сильно толстых мамаш катать. Все девчонки в нашей конно-спортивной школе в первый раз в седло именно на нем садились! Он такой классный – как глянет на тебя из-под челки, так ты ему все отдашь: и сахар из карманов, и морковку из сумки, и йогурт из своего обеда.

– Наверное, кто-то его уже работает... – неуверенно предположила я.

– Ага, а Светлана об этом не знает! – фыркнула Лида.

– Ну, вдруг из старших кто-то взял? – предположила я.

– Разве что Костян, – буркнула Лида, и в голосе ее прозвучало явное неодобрение. Костя и еще Ольга – это наша элита, кандидаты в мастера спорта. Лидка до них пока не дотягивает, но старается.

³ Краги – накладные кожаные голенища для езды верхом.

⁴ Конкур – конные состязания по преодолению препятствий (барьеров).

⁵ Ногавки – элемент конского снаряжения, предохраняют ноги лошади от механических повреждений, поддерживают сухожилия и связки.

⁶ Трензель – деталь уздечки, состоит из грызла и двух колец, за которые трензель крепят к щечным ремням уздечки. Вкладывается в рот лошади, помогает поворачивать ее голову влево-вправо, вверх.

– Хотя на фига Костику клеппер, если ему Арсенала отдают? – процедила Лида.

Я сочувственно поглядела на нее – не только у меня горе. Арсенал – тот самый ахалтекинец, совершенно потрясающий конь! Барьеры берет чистенько, верхние жерди не сбивает, всадников в автономный полет по высокой траектории не запуливает, в общем, конь-самовоз – в смысле сам неплохо соображает, что на конкурных соревнованиях делать. Конечно, чтоб он таким стал, ого-го сколько труда вбухать пришлось. Но его же не одна Лида тренировала, там и Костик работал как проклятый, и Ольга. А что на чемпионат страны на Арсенале поедет Костик, мы все давно догадывались. Костяну единственному к чемпионату восемнадцать исполнится, а Арсенал даже конкуриста в сто раз хуже способен на первое место вывезти. И будет у нас новый мастер спорта, школе это нужно! Но Лиду я понимала как никто: плевать, чего там нужно школе, за такие соревнования и такого коня убиться можно!

– Не расстраивайся, – пробормотала я. – Ты все равно выступишь, пусть на другом коне, но ты классно едешь.

– Только хуже Костика! – злобно самокритикнулась Лидка. – Вот и дали бы Арсенала мне! Все-таки берут меня в Англию учиться, – после короткой паузы буркнула она. – С середины сентября можно начинать. И стипендию дать могут... Но это только если будут победы.

– Круто. Поздравляю! – искренне обрадовалась я.

– С чем? – криво усмехнулась она.

Я в ответ только кивнула. Ну да, принять-то ее в английский колледж приняли – а жить на что? Без стипендии приглашение на учебу так и останется красивой бумажкой. На то, чтоб добыть стипендию, Лидке остается меньше трех месяцев, а Арсенала отдали Костику...

– Светлана Викторовна уперлась – и ни в какую... – Лидка безнадежно махнула рукой.

Ну и чем я могу ей помочь?

– Я сейчас Димку работать буду, – решительно объявила я. – Посмотрю, где Банни, а если увижу Костю, спрошу его!

– Ладно. Только Светлане не говори. – Лида замялась и наконец выдавила: – Когда мне про Арсенала сказали, я того... выступила по полной. Если сейчас еще окажется, что Банни пропал...

Похоже, Лидка и впрямь неслабо выступила, если так тушется, – конники вообще стеснительностью не отличаются, а Лида даже среди нас виртуоз художественного слова.

– Я пока денник отобью. – Лида взялась за лопату и принялась наводить в деннике чистоту, соскребая с пола навоз и подмокшую солому, а я ухватила Димку за узду и повела ходить.

– Держаться слева на уровне плеча лошади... – как молитву бормотала я себе под нос.

С первым конем, моим любимым, Светлана Викторовна меня всему учила: и как «с земли» работать – ну, когда рядом идешь, и заседлали мы его в первый раз вместе, и на барьер я его при ней повела. А с Димкой, типа, я уже все знаю, сама-сама! Ну да, будто я помню, с чего три года назад с любимым начинала! Вот и мучаюсь: Интернет перетрясла, книжек по лошадиной психологии накупила, и чем дальше, тем больше боюсь сделать что-нибудь не так. А это плохо – лошадь мои бренчащие нервы сразу чувствует. Конь не собака: даже мелкая чихуа-хуа, по сути, хищник, одомашненный для охоты и защиты человека. А конь хоть и здоровенная зверюга, но травоядная, и сам от всадника защиты ждет. Нет, мой Димон – он и подраться с другими жеребцами не дурак, но стоит появиться чему-то непривычному, так он норовит мне на шею запрыгнуть и всеми четырьмя копытами вцепиться: спря-я-ячь меня, я боюсь! Но если чувствует, что я сама испугана – все, до свидания, какой от тебя толк? И нечего тут распоряжаться, я, великий и могучий скакун, буду делать, как сам захочу!

– Ты что тут делаешь? – раздался за спиной резкий, чуть гнусавый голос.

Я с перепугу подскочила... а-а, блин, повод дернула со всей дури! Димка заплясал на месте, пофыркивая и мотая головой.

– Спокойно, все хорошо, совсем ничего не случилось! – Руку там, где по ней проехался повод, жгло так, что хотелось засунуть ее в рот по самый локоть. Не переставая поглаживать нервничающего Димку, я обернулась. Ну вот, явление. Не помню ни как называется его должность, ни как его самого зовут, но этот мужик руководит нами от городской администрации. Раньше у нас другой был, мы с ним четыре года жили душа в душу: мы тут, в школе, а он у себя в администрации, разве что Светлана Викторовна к нему с отчетами ездила. А потом были очередные выборы, тот, старый, оказался коррупционер, поэтому уже две недели у нас новый – и таскается сюда через день, зараза такая!

– Я спросил, что ты здесь делаешь? – в голосе этого... Администратора появились визгливые нотки, Димка снова попятился и попытался выдернуть у меня повод.

– Хожу, – коротко буркнула я, пытаясь успокоить жеребца.

– А лошадь зачем за собой таскаешь?

– А зачем мне ходить, если без лошади?

– Если тебе нужна компания, возьми подружку и с ней ходи!

Моя рука замерла на Димкиной шее – я вдруг отчетливо представила, как натягиваю узду на Лиду и, держась у ее левого плеча, шагаю с ней по территории!

– Тут конная школа, сюда не для того приходят, чтоб ходить! Тут скакать надо! – и он выразительным жестом указал на Димку.

Я невольно шагнула вперед, прикрывая коня собой:

– На нем еще нельзя скакать! У него спина слабая!

– И кто ж тебе разрешил выводить больную лошадь?

– Он не больной! – я почувствовала, что офигеваю. – Он еще маленький!

Мужик поглядел на возвышающегося над моим плечом жеребца. Ну да, Димка крупный, но это же не мешает ему быть маленьким!

– Ему всего два с половиной года!

– Лошадь не человек, девочка. – На меня поглядели снисходительно. – Два года – вполне взрослое животное.

– Это кот в два года взрослое животное! А у коня еще позвонки не срослись! – я провела ладонью по Димкиной спине. Спокойно, я же терпеливая, мне потому и разрешают молодых лошадей заезжать. Но с лошадьми проще, лошадь тебя разве что башкой о барьер приложит, а вот люди... – Его сейчас надо с земли тренировать: вот так ходить с ним рядом, учить останавливаться... В бочке работать потихоньку... – и пока этот псих не начал объяснять мне, что лошадь в бочку не влезет, я ткнула пальцем в сторону широкого натопанного круга с пятачком для человека посередине. – Это вон там, берешь коня на корду... веревка длинная такая... рысь с ним тренируешь, галоп...

– А вот я узнаю, можно ли тебе брать лошадь и делать с ней что в голову взбредет! – угрожающе выдал Администратор.

Тяжело человеку в пятнадцать лет: ты уже видишь все взрослые глупости, но послать по-взрослому еще не можешь.

– Вон наш завуч едет, ее и спросите! – с облегчением выдохнула я.

– Светлана Викторовна? – мужик подозрительно прищурился, глядя на громадного черного коня, в седле которого сидела маленькая женщина в клетчатой рубашке, темных бриджах и крагах. А чего он ожидал – что завуч конно-спортивной школы будет ходить в деловом костюме и с журналом под мышкой? Ага, верхом на Бахтате, который прет как танк и то и дело в галоп сорваться норовит! – Кстати, до сих пор не могу понять: какой учебой она заведует – вашей или лошадачьей?

Ну что ж делать, если ты такой непонятливый!

– Она заведует тем, как мы обучаем лошадей.

Судя по злобному взгляду Администратора, он решил, что я прикалываюсь. А я – нет, все так и есть.

Легкой рысью Светлана Викторовна погнала Бахтата к нам. Из-за ее спины выехал Костя на том самом Арсенале, а за ним Ольга на гнедом орловце, и неспешной рысью двинули к барьерам на конкурном поле. Я невольно залюбовалась. Какие кони, а какая посадка у ребят! Просто песня! Я аж носом шмыгнула – мне до такого еще пахать и пахать.

– Кос... – попыталась окликнуть я и осеклась. Лида же просила, чтоб Светлана Викторовна не знала, и вообще, если Костя Арсенала работает, значит, он точно не брал Банни.

Бахтат подлетел к нам и вкопался копытами в землю буквально в полушаге от меня: морда шкодная, фырчит, косится – дескать, как я вас, а? Я к его фокусам давно привыкла, а мой четвероногий Дипломат и этот двуногий... Администратор шарахнулись. Димку я за повод удержала, а админмужик чуть на два метра не улетел с перепугу! Вот что бывает, если позволять всяким администраторам лазать по территории без уздечки!

– Саш, куда наша коневозка делась? – с седла поинтересовалась Светлана Викторовна.

Нет, я не Саша, меня пора переименовывать в Справочную, Гуглу Яндексовну! То я должна знать, где Банни, то – где коневозка.

– Твоего любимчика пора отвозить, а ни коневозки, ни дяди Гриши...

Дядя Гриша – наш главный ответственный «за все»: и конюх, и столяр, и водопроводчик, и шофер. Вот теперь и любимого он повезет. Я уже собралась впасть в печаль по этому поводу... Стоп. Нет Банни. Нет коневозки. Нет дяди Гриши. Светлана Викторовна не знает, где они. Пропажа Банни из денника выглядела достаточно... странно, а одно-другое-третье и четвертое вместе приобретают прямо-таки зловещий характер!

– У вас тут вообще порядка нет! – процедил Администратор.

Светлана Викторовна обратила на него внимание примерно как на воробья, чирикающего у дороги. С высоты Бахтата она обзревала выметенные до блеска дорожки, конкурное и выездковое⁷ поля, сеновал и далекое здание конюшни – словно твердо знала, что под ее требовательным взглядом искомые объекты не замедлят материализоваться. Объекты не замедлили. Ворота школы послушно распахнулись, и внутрь вкатил пропавший фургон-коневозка с дядей Гришей за рулем. Светлана Викторовна тронула Бахтата пятками, и этот хулиганистый супертанк покорно зацокал к фургону.

– Дядя Гриша! – Светлана Викторовна нагнулась с седла – ее возмущенное лицо возникло в окошке водителя, пока задумчивая морда Бахтата тыкалась в лобовое стекло. – Вы куда коневозку гоняли, когда лошадь перевозить надо?

– Так это... Уже! Отвез! – Дядя Гриша высунулся в окошко.

Светлана Викторовна недоуменно оглянулась на конюшню...

– Куда отвезли? Я пять минут назад там была – конь в деннике!

В деннике, в деннике – сама любимого только что там обнимала напоследок. Мы с Димоном потихоньку придвигались поближе к разговаривающим – заодно и от Администратора подальше.

– Как же в деннике, если я его отвез! – дядя Гриша начинал злиться.

– Стоп. Спокойно. – Светлана Викторовна слезла с Бахтата, похлопала коня по шее, давая себе время на это самое «спокойно». – Что-то мы друг друга не понимаем: какого коня и куда вы отвезли?

⁷ Выездка – дрессура, высшая школа верховой езды, «танец лошади под дудку всадника», т. е. выполнение лошадью фигур, поворотов, смены аллюра и т. д. по определенной программе.

– Так какого велено куда велено! – возмутился дядя Гриша, но под взглядом Светланы Викторовны взял себя в руки. – Банни! На бойню!

Мои мысли поднялись в галоп, грохоча копытами прямо по черепной коробке. Какая... б-р-р, бойня?! Это же Банни, лапушка-солнышко, зайчик наш копытастый, да первого, кто такое предложил, Светлана Викторовна сама бы на сосиски пустила...

– Банни? Зачем на бойню? – эхом откликнулась Светлана Викторовна.

– Так я думал, все, конец конику, раз ветеринар вчера приезжал... – недоуменно ответил дядя Гриша.

– У Банни обыкновенный запал⁸, ранняя стадия, все с ним нормально будет! – Я рванула вперед, волоча за собой Димона.

– Мне-то откуда знать? – забормотал дядя Гриша, затравленно глядя на нашего завуча, на меня, даже на Бахтата... – Не, ну не сам же я придумал его туда везти! Вот, вот! – он нырнул в салон, выдернул из бардачка листок бумаги и принялся совать его Светлане Викторовне в руки. – Под дворник было засунуто, еще вот карандашом приписано – срочно! Я и решил, может, заразное что, чтоб другие лошади не заболели, и рванул...

– Бахтата примите! – рявкнула Светлана Викторовна, ухватила дядю Гришу за ворот рубахи и выдернула из кабины. Для женщины, способной на галопе остановить полтонны разогнавшейся лошадитины, не такой уж это и подвиг. Дядя Гриша пошатнулся, едва не ляпнувшись на асфальт, и замер: мистер Обалдение – руки опущены, рот приоткрыт...

– Кто-нибудь – со мной! – прыгая за руль, скомандовала Светлана Викторовна. Дядя Гриша только шумно сглотнул, ошалело поглядел на зажатый у него в руке листок – ветер трепал уголок с четко видной синей печатью. Так он еще год медитировать будет! А там малыш Банни...

– Держите! – Я сунула поводья Димона дяде Грише, в два прыжка нагнала уже тронувшуюся с места коневозку... Рванула дверцу и ввалилась на пассажирское сиденье.

– Какого черта, Александра?! Я вообще-то дядю Гришу звала! – Светлана Викторовна утопила педаль газа в пол – останавливаться из-за меня она явно не собиралась.

Я подобрала руки-ноги и кое-как устроилась в пассажирском кресле.

– Ну, он как-то... завоzilся, а мы же вроде торопимся? – Я потянулась за ремнем безопасности. Если прыгаешь в машину на ходу, надо сразу же пристегнуться... пристегнутого пассажира сложнее выкинуть из кабины!

Завуч покосилась на меня и только фыркнула, выворачивая руль. Коневозка вылетела из распахнутых ворот. На повороте на миг открылся двор школы: приплясывающий Бахтат и мой шарахающийся Димон, ошалевший дядя Гриша, скачущая от манежа Ольга, бегущие со всех сторон люди... И только одна фигура оставалась неподвижной посреди этой истеричной движухи: похожий в своем неизменном костюме на серый штрих карандаша, Администратор стоял на дорожке и глядел нам вслед. Выражение его лицо отсюда различить было невозможно.

Картинка мелькнула и пропала, коневозка мчалась по дороге, стремительно загоня серую ленту асфальта под колеса.

– Почему Банни на бойне? – наконец выдавила я. – Почему дядя Гриша...

– Понятия не имею, – не отрывая глаз от дороги, бросила Светлана Викторовна. – Но выясню... сразу же, как вытащу клеппера оттуда.

– А вы знаете, куда ехать? – заикнулась я.

Светлана Викторовна не ответила, а я чуть не прикусила язык. Каждому, кто имеет дело с большими животными, приходится знать это треклятое заведение – бойню. Просто потому, что природа – она такая равнодушная, что на наше «не хочу, не надо» ей плевать с высокой

⁸ Запал – у лошади – заболевание легких.

горки. Не все болезни можно вылечить и не с каждой болезнью лошадь может жить. Но ведь с Банни же ничего не случилось, это же наш Банни... Это он три года назад, в мой самый первый день на конном, нес меня на спине как хрустальную вазу, и я чувствовала его снисходительное «Не бойся, не уроню!». На нем я первый раз прыгнула через барьер – и первый раз грохнулась, а он стоял надо мной и ободряюще сопел, и я знала – не сейчас, так в следующий раз все получится. Да он был моим тренером ничуть не меньше, чем Светлана Викторовна или Петрович!

Фургон заскакал по колдобинам. Ха-ха-чу-о-обратно-на-а-ло-ошадь! Там хоть коленями держаться можно! Наш фургон завалился на бок – меня распластало по дверце, – вильнул тяжелым задом, вырвался на шоссе и понесся, лавируя среди машин, оставляя за собой шлейф гудков, скрежета тормозов и густой, как повидло, ругани водителей.

Сзади вспыхнули синие сполохи и механический голос грозно взвыл:

– Фургон номер... немедленно остановитесь!

– Милиция! – выдохнула я.

– Да, удачно, – кивнула завуч... и вдавила педаль газа в пол до упора. Кенгуриным прыжком коневозка сиганула вперед. Сзади истошно взвыла сирена и полыхающая синими огнями мигалки машина ринулась за нами в погоню. Ни фиги себе удача!

– Тебя никто за мной не тянул, – словно отвечая на мои мысли, отрезала завуч и до белизны в пальцах стиснула руль.

Поворот! Я снова повисла на ремне – мы на полной скорости свернули на старую грунтовку. Мелкий щебень яростно забарабанил в днище. Бабах! Позади нас словно крылья развевались – запор сорвало, и теперь задние дверцы фургона яростно колотили в борта, а наружу градом сыпалась незакрепленная снаряга. Дзанг! – вертясь как бумеранг, старая подкова вдребезги разнесла милицейскую мигалку. Сполохи синего света в последний раз ярко вспыхнули и погасли. Шарах! – фургон ухнул колесом в яму, меня потрянуло так, что звонко лязгнули зубы. Мотор взвыл, коневозка завертела колесами, точно распаленный галопом конь рыл землю копытом, и снова ринулась вперед. Выпорхнувший из распахнутых дверей вальтрап⁹ развернулся в воздухе, закрыв ветровое стекло милицейской машины. Следом вылетело седло. У Светланы Викторовны только уголок рта дернулся, но она не затормозила, гоня машину прямо к серому забору с торчащими за ним трубами. Неужели это... она... оно? На вид и не скажешь, вроде фабрики обыкновенной. Лента грунтовки уперлась в наглухо закрытые ворота. Светлана Викторовна ударила по тормозам, фургон понесло в разворот.

– А-а-а! – нас завертело, железо заскрежетало о железо, и машина встала, подпирая задом створки.

– Считай, постучалась. – Светлана Викторовна вылетела из-за руля и ринулась к проходной. – Ты сидишь тут! Чтоб никуда!

Ага, щас! Меня вынесло из машины одновременно с ней, но догнать нашу завуч я все равно не смогла. Я ворвалась в узкий коридорчик проходной... Местный охранник – бомжеват-небритьный мужик в грязном камуфляже – задумчиво сидел в углу своей стеклянной будки и осмысливал. Нормальная реакция неподготовленных людей на нашу завуч. Конкурным прыжком я сиганула через закрытый турникет и выскочила на бетонный двор. И замерла. Яркий летний день с зелеными деревьями вдоль обочины и чуть пожелтевшей под горячим солнцем травой остался за порогом. Здесь было сумрачно и стоял шум. Он накачивал на меня со всех сторон – механический, неумолимый и равнодушный, безразличный к боли, страданию, отчаянию. Решетчатые загоны, похожие на издевательскую карикатуру на денники в конюшне, были забиты животными. В одном, спрессованные плотно, будто их

⁹ Вальтрап – стеганое покрывало под седло, предохраняет спину лошади от натирания.

туда кулаками утрамбовали, стояли коровы. Я увидела блестящий, неподвижный в отупелом покорном отчаянии глаз, потом корова отвернулась и принялась мерно двигать челюстями, пережевывая давнюю жвачку.

Протяжное, безнадежное ржание прокатилось над бетонным двором. В соседнем загоне были лошади. Всего три: лохматенькие пони, будто малыши, жмущиеся к высокой кобыле редкой кремовой, как у нас говорят – изабелловой, масти. Красавица отчаянно взвилась на дыбы... и со всего маху опустила копыта на решетку своей тюрьмы. Решетка ответила громким и каким-то злорадным гулом. Лошадь опустилась на передние ноги, голова ее поникла, ухоженная светлая грива свесилась едва не до земли, и снова заржала – гневно, яростно и безнадежно, на краткий миг перекрывая безжалостный механический шум. Из голубых глаз изабелловой кобылки покатались самые настоящие слезы.

Я заорала:

– Светлана Викторовна, здесь еще лошади! – и повисла на решетке, тряся ее изо всех сил, точно рассчитывала вывернуть на фиг.

Бегущая по похожему на железные мостки проходу завуч остановилась в дверях полукруглого ангара:

– Стой там! Рядом с ними! Не смей за мной ходить! – и нырнула в темный проход.

Я и не собиралась никуда идти – меня теперь отсюда силой не оттащишь! Я вцепилась в решетку, не отрывая глаз от лошадей.

Из проходной выскочили двое милиционеров – выглядели они так, будто побывали в аварии. Ой, а они ведь да, в смысле побывали!

– Девчонка! – оба милиционера притормозили возле меня. – Она, что ли, за рулем была? – они недоуменно переглянулись.

Из дверей ангара птичкой, будто ему придали ускорение сапогом для верховой езды, вылетел мужичонка в заляпанном темном халате. Вцепился в перила мостков, точно боялся, что сейчас его будут отдираť силой... и увидел милиционеров:

– Товарищи менты, помогите! Хулиганят! Убивают!

– Так убивают или хулиганят? Статьи-то разные, – пробормотал молодой милиционер.

– Убивают хулиганским образом! – немедленно откликнулся мужичонка.

– Похоже, наш лихой водила тут!

Светлана Викторовна выскочила на двор. Менты охотничьим прыжком рванули ей навстречу... и замерли.

– С-светлана Викторовна? – заикаясь, пробормотал один. – Это вы тут... хулиганите? Аварийную ситуацию создаете... – выражение лица у него было как у добросовестного школьного дежурного, ненароком отловившего директора, когда тот тайком перекуривал за школой.

– Здравствуйте, мальчики! – Светлана Викторовна мило улыбнулась. – А вы теперь в ДПС?

Точно, они у нас занимались, почти год, когда конную милицию организовывали! Вон тот, кажется, Володя... А этот Сергей! Он еще просил научить его барьеры брать – «чтоб догонять нарушителя, если тот убегает по-за кустам!» Научила, чо! Нормально у него получалось, он даже в соревнованиях пару раз проехать успел, хотя никакого места и не привез.

– Перевелись вот... Володька женился, у меня второй ребенок родился... – смущенно, как не оправдавший надежды любимой учительницы одиннадцатиклассник, вздохнул Сергей.

Ну да, засады вдоль парковых аллей конной милиции устраивать не положено. А то вылетает из кустов лошадь с мигалкой под хвостом – виу-виу-виу, а мент с седла орет: «Превышаете скорость прогулки! Отберу права на пешее хождение!»

– Вас вот теперь ловим... – с упреком начал Володя.

– Так это же замечательно! – перебила его Светлана Викторовна. – Я еще когда мы ехали говорила: удачно, что нас милиция заметила. Вон Сашка не даст соврать!

Я энергично закивала: да-да... хотя я вообще-то думала, это она так мрачно иронизирует.

– Тут совершается преступление! – провозгласила Светлана Викторовна. – Вот! – и она указала на загон, где дрожащие лошади сбились в такую кучу – не поймешь, где чьи грива и копыта. – Хищение собственности!

– Нам их продали! – запротестовал выкинутый из ангара мужичок. – У меня документы есть!

– Поддельные, – отрезала Светлана Викторовна. – За продажу лошадей на убой платят копейки...

– Я прилично заплатил! – явно оскорбленный в лучших чувствах, заорал мужик.

– Три тысячи баксов? – презрительно сузила глаза завуч. – Это только так, по одним статьям кобылки, – она кивнула на изабелловую красавицу. – Если у нее приличная родословная и победы в активе – так все пять. А я думаю – чего это у нас цена на колбасу так выросла? А оказывается, за начинку теперь по пять тысяч долларов платят!

Меня передернуло – кони же все слышат! Даже если Светлана на публику говорит, все равно: они не начинка! Они лошади!

– Пони не меньше тысячи каждая, – безжалостно продолжала Светлана Викторовна. – Ну и какой ненормальный продаст... – она сильно надала на последнее слово, – ...лошадей на забой, если за живых можно взять такую сумму?

Деньги – разумно, логично и по-взрослому. А если просто сказать, что не обязательно жрать молодую, сильную, такую красивую... ЖИВУЮ лошадь, в ответ только усмехнутся и начнут говорить об устройстве мира, в котором нет места детской жалости к «ла-ашатке».

– Мы приехали за украденным в школе клеппером... Помните Банни, мальчики? Ну вот... И эти лошади могут быть только ворованными, – заключила Светлана Викторовна.

– Я не только за хулиганство, я еще за клевету подам! – возмутился мужик.

– А еще превышение скорости и аварийная ситуация, – пробормотал Володя, не слишком-то купившийся на разглагольствования Светланы Викторовны.

– Ну и отлично! – спокойствия нашей завуч не могло поколебать ничто. – Если я виновата, лошадей все равно надо отсюда забирать! Они – улики к моим преступлениям, а их тут уничтожат.

Окончательно замороченные, Володя и Сергей переглянулись. Я затаила дыхание. Конечно кобылка и пони никакие не улики... но должно же в мире быть равновесие? Дэп-ээсники нарушают законы ради всяких крутых с деньгами – почему бы вот этим двоим не вспомнить, что когда-то они были в конной милиции... и немно-ожечко не нарушить закон ради кремовой кобылки и двух поняшек с мохнатыми челками?

– Вообще-то я дочку в вашу школу хотел... – глядя в сторону, буркнул Сергей.

– Для маленьких детей у нас сейчас акция, занятия бесплатные. Только надо пони, а у нас нет... Не было, – обронила Светлана Викторовна.

– Нарушение правил обгона, превышение скорости, создание аварийной ситуации... – засомневался Володя.

– Штраф обязательно, – согласился Сергей. – Но пострадавших нет, так что... Давай выводи вещественные доказательства, все три! – скомандовал он мужику с бойни. – Они переводятся в конно-спортивную школу на содержание – до разбирательства. По заявлению завуча школы, – он ткнул пальцем в Светлану Викторовну.

– Они у меня по документам проходят, как я потом отчитываться буду? – уперся мужик.

– Если окажется, что с лошадьми все чисто, получишь компенсацию, – хмыкнул Сергей.

– Пять... – мужик бросил быстрый взгляд на пони. – Семь тысяч баксов?

– Ты охамел, мужик! – теперь уже разозлился Володя. – Сколько заплатил, столько и получишь – по цене колбасы! Если выяснится, что ты вообще платил! У меня, между прочим, тоже дети будут. И я тоже хочу, чтобы они с лошадьми общались... в природе, а не на бутерброде.

– Такие вы все, менты, – продажные! – выпалил мужик, неохотно направляясь к решетке, за которой сгрудились лошади. – А еще она меня избила!

– Заявление подавай, – следуя за ним шаг в шаг, точно конвоируя, огрызнулся Сергей. – Как баба... – он покосился на Светлану Викторовну, – как уважаемая женщина тебе сапогом под копчик наввернула.

Мужик злобно загремел ключами. Стон, вырвавшийся из груди кобылки, заставил замереть всех, даже Сергея с Володей. Пони прижались к кобылке сильнее – они теперь плакали тоже, шерсть на их мордах стала мокрой от слез.

– Они готовятся умирать, – просто сказала Светлана Викторовна и шагнула за жуткую решетку. – Ну, мои маленькие, все хорошо, я же тут... – В карманах у нее, как всегда, нашелся сахар, она скормила по кусочку каждому поняшке. – Ворота пусть тоже откроют, у меня там фургон. – Светлана Викторовна шагнула к кобылке. Та заржала и предостерегающе ударила копытом. Сейчас ка-ак даст... – Надо идти! – тоном неоспоримой уверенности скомандовала завуч и положила кобылке руку на холку. Лошадка неуверенно переступила... и сама рванула вперед, вылетев из клетки. Ворота бойни открывались медленно, неохотно, словно ни за что не желая выпускать своих жертв. Кремовая кобылка ринулась в приоткрывшийся проем, едва не налетела на стоящий за воротами фургон, встала на свечку, отчаянно заржала и, дробно молотя копытами в асфальт, обскакала коневозку по широкой дуге.

– Стой, убьешься! – я с криком рванула за ней...

Лошадка стояла на дороге, нервно пофыркивая, встряхивая гривой и то и дело поглядывая на меня.

– Пони сюда, коневозка у меня на одну лошадь, но они маленькие, поместятся, – командовала Светлана Викторовна. – А кобылку... Саша, придется тебе на ней ехать. Лошадь, конечно, незнакомая, может дать любую реакцию, но я поведу коневозку рядом, если что – помогу.

– У нас ваше седло, – недовольно буркнул Володя, направляясь к брошенной у проходной машине с разбитой мигалкой. – Мы думали, это оно будет уликой! – с некоторым даже упреком в голосе – типа, мы его подвели – бросил он.

Изабелловая кобылка увидела, как он достает седло с заднего сиденья... и клянусь, она выдохнула с облегчением! Помотала головой – совсем как человек, только что чудом избежавший чудовищной, неотвратимой опасности – и сама пошла навстречу!

– С ней уже работали, я так и думала, – шепнула Светлана Викторовна. – Давай седлай ее!

Я шагнула к кобылке не удержавшись, бросила быстрый взгляд обратно на двор. Коровы оставались там, в загоне, такие же покорно-равнодушные, как и раньше, кажется, даже не заметившие разыгравшейся рядом драмы. Их спасти мы не могли, и... это стыдно, но у меня уже просто не было сил страдать из-за них. Я хотела только радоваться за тех, кого мы спасти сумели: поняшек, кобылку эту потрясную, нашего Банни...

Ворота стали медленно закрываться.

– Погодите! – закричала я. – Они же еще не вывели Банни! – я кинулась обратно.

Светлана Викторовна удержала меня:

– Я не могла сразу сказать... надо было этих лошадей вытаскивать... – она не смотрела на меня, хотя я так старалась поймать ее взгляд! – Банни умер, Саша. Мы опоздали... всего на пару минут.

Ворота с лязгом закрылись. Светлана Викторовна отпустила мою руку.

– Мы спасли этих коней, – непонятно кого убеждая – меня или себя, настойчиво повторила она. – Надо доставить их в школу, – и она загремела дверцами, закрывая фургон.

Я забрала у Володи вальтрап, расстелила его на спине кобылки, пристроила сверху седло, сунула под ремень два пальца, проверяя, не слишком ли туго затянуто... и все это на абсолютном автомате, без всякого участия разума. Оперлась о подставленные ладони Сергея, и он посадил меня на кобылку. И мы поехали вдоль обочины. Мне хотелось выть, рыдать, колотить кого-нибудь, выплескивая свое отчаяние и беспомощную ярость. Разговор с дядей Гришей – секунд тридцать. Машины на дороге. Охранник на проходной. Секунды и миллисекунды, из которых сложились те самые пара минут. На которые мы не успели. Не успели выполнить свой долг – защитить Банни.

Он нам верил. Он был наш. Мы за него отвечали. Мы его подвели.

Я не помню, как мы ехали вдоль трассы. Не помню, как свернули к школе. Изабелловая кобылка, умница, ни разу не взбрыкнула, не шарахнулась от грузовиков. Она просто несла меня по обочине ровной рысью, и в какой-то момент я поняла, что кобылка идет самой настоящей мягкой, ласково покачивающей иноходью, вынося вперед сперва обе правые ноги, потом обе левые, снова обе правые... Обалдеть! Откуда она такая взялась?

Мы въехали в ворота школы – и все кинулись нам навстречу. Бежали Костик, Ольга, Лида, другие ребята с конюшни, бухгалтерша примчалась!

– Какие поники! – звенело над конным двором.

– Ну чисто пряники! – утираясь квитанциями, всхлипывала от умиления наша бухгалтерша.

Лида и Ольга налетели на меня с двух сторон:

– Иноходь! Изабелловая масть! Красавица! – Яблоки, морковки и сахар возникали перед мордой кобылки, она едва успевала деликатно принимать их с ладоней, изысканно наклоняя голову. – Прямо дама, а не лошадь! Вы где ее взяли?

И вот тут прозвучал этот вопрос:

– А где Банни?

Я не ответила. Они просто посмотрели на мою зареванную физию и все поняли. И заплакали тоже.

– Ты это... слезай... – шмыгая носом, выдавила Лида. – Лошадь покормить и почистить надо... Потом ветеринару позвонить...

Не споря, я слезла с седла и даже не пыталась перехватить у них поводья, когда они повели кобылку к конюшне. Я просто стояла на дорожке и смотрела вслед. У меня разом кончились все силы.

Рядом из-за руля опустевшей коневозки медленно, как столетняя старуха, выбралась Светлана Викторовна. И оперлась о борт фургона. Ей что-то говорили, о чем-то спрашивали, она только время от времени кивала или мотала головой. Наконец ее оставили в покое, и мы остались вдвоем.словно двое потерпевших кораблекрушение после шторма.

– Коневозку в порядок привести... – с трудом, точно язык плохо ее слушался, пробормотала Светлана Викторовна. – Твоего любимого жеребца все равно надо на другую конюшню перевозить... у нас обязательства...

Еще утром расставание с любимым казалось трагедией. А сейчас настоящая трагедия просто случилась.

– Зачем он... – я вытерла плечом слезы. – Зачем дядя Гриша отвез Банни... туда?

– У него был приказ. С подписью и печатью. Он же сказал – под дворник засунули, – бесконечно усталым голосом ответила Светлана Викторовна.

– Чей приказ?! – я мотнула головой и слезы брызнули у меня из глаз, словно это движение наконец освободило их.

– По подписи выходит, что... мой, – криво усмехнулась завуч.

Глава 2

Полина

– Грызть сахар? Какой ужас! Прямо как ребенок из очень бедной семьи! Неужели для такой очаровательной девочки у нас шоколадки не найдется? – и она зашуршала блестящей фольгой.

– Нет! – рявкнула девушка лет пятнадцати в замызганных черных брюках, туго натянутой на груди полосатой футболке – тоже в каких-то пятнышках – и с перекинутой через плечо растрепанной русой косой. – Очаровательной девочке шоколад нельзя! От него колики могут начаться.

– Ой, Сашенька, это если переедать! – отмахнулась тетя Ася, увлеченно разворачивая шоколадку. – А от одной ма-аленькой шоколадки ничего не будет!

Девушка тут же очутилась перед тетей Асей, оттесняя ее немаленькой такой грудью. Она ей кататься не мешает?

– Девочке совсем нельзя шоколад, – очень тихо и очень жестко сказала она – таким тоном, каким только мой папа с тетей Асей разговаривает.

– Девочка на диете? – растерянно переспросила тетя Ася.

Лицо у этой самой Саши дрогнуло и... закаменело:

– Да. На диете. Худеет перед соревнованиями. Чтоб легче через барьер прыгать.

Я обиделась. Мой папа умный, у него очень много денег. Тетю Асю я пока знаю плохо, она раньше в другом городе жила, а к нам после развода переехала, но она папина сестра, у них одни и те же мама с папой. Значит, тетя Ася не может быть полной дурой, и нечего на это намекать!

– Мы, женщины, и без того вечно на диетах сидим, а тут еще и спорт! – тетя Ася грустно поглядела на батончик. – Ой, а я знаю, что всем спортсменам можно! – Тетя Ася быстро-быстро зашарила у себя в сумке и вытащила... толстенную, розовенькую, блестящую сосиску. И сунула ее лошади.

Все, facepalm! Бабушка с дедушкой не говорили, что тетя Ася подкидыш!

– Чего вы на меня так смотрите? – тиская сосиску в кулаке, тетя Ася огляделась.

– Восторгаемся твоими знаниями биологии, – чуть подрагивающим голосом сказала тетя Наташа, мамина университетская подруга и сейчас какой-то там ученый, в общем, ничем серьезным не занимается, даже непонятно, откуда у нее деньги.

– От мяса мышечная масса растет! Я знаю, я тоже спортом занималась! – тетя Ася взмахнула сосиской.

Лошадка кокетливо выглянула в окошко на дверце своей комнатки в конюшне, повела глазами – о, этот божественный взгляд! – пошевелила своим милым носиком... ухватила сосиску зубками... и потащила из рук тети Аси!

Саша икнула.

– А я говорила! – в один голос закричали тетя Ася и тетя Наташа.

– ...что такие большие животные, как лошади, обязательно должны есть мясо!

– ...что в этих сосисках одна сплошная соя – считай, растительный продукт!

Мама поглядела на тетю Наташу укоризненно: сосиски эти делает мой папа. Не сам, конечно, он их хозяин. Нет, не сосисок. Завода, где их делают.

Лошадка зажала сосиску в зубах и ушла обратно в свой домик.

– Вы... это... в следующий раз, если лошади что-то даете... давайте на открытой ладони... а то она пальцы зубами прихватить может, – слабым голосом выдохнула Саша.

– Совсем? Целиком? – тетя Ася с ужасом посмотрела сперва на лошадку, потом на свои пальцы, будто подсчитывая, все ли на месте.

– Ну сосиску ж взяла... – пряча глаза, пробормотала Саша.

– Она такая! Ми-ми-ми! – Настя, дочка тети Наташи и моя подружка, зажмурилась от лошадиной мимишности. И твердо добавила: – Такая няшка ничего плохого не сделает.

– Копытом в грудь – конечно ничего плохого, – протянула Саша. – Это ла-ашатки так играют. Вроде как кошечки царапаются.

Мама и тетя Наташа тревожно переглянулись. Сейчас они как за нас испугаются, как не разрешат на лошадку сесть... Я поняла, что не люблю девочку Сашу.

– Осмотрелись? – здешняя завуч шла по проходу, и каждая лошадка выглядывала из своей комнатки, чтоб ее погладили. О-о-о, это так мило! И эта... Светлана Викторовна, кажется, да? Как из аниме, там всегда есть одна такая взрослая героиня, которая вроде бы ничего страшного не делает, но ее все равно все боятся. Только одевается она плохо: в клетчатой рубашке (зачем, когда в магазине снаряжения были специальные такие очень красивые маечки с коротеньким рукавчиком и воротничком стоечкой?) и темных старых бриджах. Я с удовольствием погладила себя по бедрам, обтянутым очаровательными новенькими нежно-розовыми бриджиками.

– Попробуем покататься? – улыбнулась нам завуч.

– А это не опасно? – спросила мама.

Спасибо тебе большое-пребольшое, девочка Саша!

– Они же не одни поедут. Саша ими займется.

– Я должна промять Даму... – Саша кивнула на мимишную лошадку. – И с Димкой поработать.

– С Димкой поработаешь потом, – железным тоном ответила завуч. – Дамой займется Ольга, – она указала на другую девушку, постарше Саши, высокую и худую настолько, что смахивала на шнурок. На Ольге тоже были темные бриджи. Это заставило меня заволноваться. Вдруг это не местные ничего не понимают в одежде, а я со своими розовенькими не в тренде?

– Почему Ольга? – кажется, одними губами, прошептала Саша. – Ведь это я была... там. Я Даму сюда привела!

– Если у Дамы будут победы на соревнованиях, ее не вернут... туда, откуда мы ее взяли, – так же шепотом ответила завуч.

Они явно не хотели, чтобы я их слышала, поэтому я, конечно, вслушивалась из всех сил.

– У Ольги гораздо больше шансов сделать на Даме первое или второе место. И прекрати пугать прокатчиков – если они не будут платить, наших спасенных нечем станет кормить. Нам отказали в финансировании на Даму и пони, – продолжая непринужденно улыбаться, прошипела завуч. – В общем, катайтесь, получайте удовольствие... – уже громко сказала она. – Если все будет хорошо, можешь даже взять их на прогулку к роще.

Саша посмотрела на нас с выражением злобной покорности судьбе и... попыталась выдавить улыбку:

– Пойдемте, покажу ваших лошадок!

– А почему такие маленькие? – протянула Настя, критически изучая лошадок с мохнатыми челками, выглядывающих из соседних комнаток.

– Это пони: вот Портос... – Саша показала на крепенького толстуна. – А второй – Барбос. – У Барбоса оказалась мохнатая гривка. – И вам они пока что не маленькие. – Саша демонстративно, сверху вниз, разглядывала Настину пушистую макушку. – Раньше у нас в этом деннике клеппер стоял. Он повыше был.

Комнатка для лошадок называется денник, надо запомнить.

– А куда делся? – спросила я. Говорит же, что «был»...

– Его убили, – резко бросила Саша. – И это не ваше дело!

Кто мог убить лошадку? Меня даже передернуло. По поджатым губам Саши было ясно, что она больше ничего не скажет. Она возилась с пониными одежками: тряпочка стеганая на спинку, и седло, и ремешочков на мордочку ужас сколько! Я хотела спросить у Саши, не больно ли понишкам, но подумала, что нечего быть как тетя Ася. Если бы было больно, разве они бы стояли так спокойно? А эти еще вроде как сами подставлялись.

– Гулять хотят мои зайчики, сейчас пойдем... – бормотала Саша. Улыбка у нее была нежная-нежная, а руки порхали! Ладно, подожду пока эту Сашу ненавидеть.

– Так, кто первый? – Саша вывела из денника понику Портосика.

Настя даже слегка попятилась. Я фыркнула. Пони фыркнул мне в ответ. Я засмеялась и положила руку ему на шею – и просто замерла!

– Как... как шелк! – выдохнула я. – Нет, не как шелк... как... как лошадка, вот, как лошадка! – и начала гладить: руку оторвать невозможно – это такое блаженство!

– Дырку протрешь, – проворчала Саша, но уже не так зло. – Дай ему морковку за знакомство, – она протянула мне морковку. Портосик с удовольствием схрупал.

Я ему в следующий раз вагон морковки притащу! А что, папа купит. Пони наклонил голову, так что гривка оказалась прямо у меня под ладошкой, и зачем-то обнюхал мои коленки... На моих розовых бриджах появились две темные мокрые полосы.

– Ой, а что это? – сунулась любопытная Настя.

– А это его сопли, – на лице Саши появилась крокодилья улыбочка.

– Бе-е-е! – Настя отпрянула.

Ну и дура! У моего Портосика даже сопли – не сопли, а сопельки.

– Ладно, подходишь с левой стороны, хватаешься только за седло – поводья не трогать! – и даешь мне ногу! – скомандовала Саша, чуть присаживаясь.

Ну я и дала – оперлась на ее подставленные руки, меня легонько подбросило, и я... СИЖУ. НА ЛОШАДИ! Я на лошади-и-и-и-и!

– Не трогать поводья, сказала! Держишься только ногами! – рыкнула грубая Саша, но я ее почти не слышала, не обратила внимания, как на второго пони посадили Настю. Я на лошади-и-и-и! Решетки денников сразу стали со мной вровень, бетонный пол внизу – не очень далеко, но все-таки, а подо мной... конь! Двигается! Живой! А передо мной его шейка, такая красивая-красивая, и грива – черная, густая, и ушки торчком... На меня он не обернулся, а мне так хотелось увидеть его глаза, я потянулась похлопать по шейке, но тут Саша взяла моего Портосика под уздцы и пони подо мной пошел. Точно перекатилась такая большая теплая волна – шаг-перекат, шаг-перекат. Сзади шумно задышала Настя, а может, ее пони – его поводья прикрепили к моему седлу, вышло вроде связки сосисок. Мы прошли в широко распахнутые ворота конюшни – и яркое летнее солнце после полумрака ударило по глазам.

– Стремена! – рявкнула Саша. – По каблук ногу не засовывай: понесет – как выдерживать будешь? Каблук вниз, носок вперед... И спину выпрями.

– А что, разве может понести? – пролепетала Настя.

– Ну, если ты не будешь его иголкой тыкать, вряд ли. – Саша оглянулась на нас – мы с Настей дружно замотали головами: как можно такому милому делать больно?! – Но ты как, собираешься правильно ездить или мешком в седле висеть? Ему, между прочим, мешок катать тяжелее! – она кивнула на пони. Я немедленно выпрямилась и ногу в стремя подравняла.

Вокруг все было такое... конное! Лошади прыгали через барьеры (со всадниками, конечно, но всадники меня не интересовали), лошади бегали на длинной веревке по кругу, на огороженном поле крупная светлая лошадь красиво что-то выплетала ногами, а сама

гордо глядела в другую сторону, будто ей и не интересно, что там ее ноги делают! Громадный черный конь мчался на препятствие, но в последнюю секунду, будто испугавшись, кидался в сторону. Сидящая на нем девушка отчаянно тянула поводья.

– Хулиганит Бахтат, – неодобрительно глядя на эти маневры, пробурчала Саша. – Зря Лидка на него села, не справится она с ним.

– А как с ним справиться? – выворачивая голову, пока мы ехали мимо ограды, спросила я. Он же... огромный! Мой пони рядом с ним – как терьерчик рядом с ньюфаундлендом!

– Старым добрым средством против любого выпендрежа – волшебным пенделем! – усмехнулась Саша.

– Но лошадке же будет больно! – пискнула сзади Настя.

– Хм. Лошадке. – Саша даже остановилась.

По другую сторону ограды мимо нас пронесся Бахтат, а рядом по земле плыла-скакала его тень: еще более огромная и такая же черная. Она на мгновение закрыла нас от солнца – словно все вокруг пригасло, пока волны теней от развевающейся гривы накрыли и Сашу, и нас с Настей, и наших пони. Я увидела, как под гладкой черной шкурой перекачиваются мускулы – такие... такие... Человеческие парни отдыхают! Кто видел Бахтата, на того уже всякие кубики на животе впечатления не производят!

– Ей тоже больно, когда она удержать пытается, – кивая на покачивающуюся в седле девушку, бросила Саша. – По ладоням как огнем, несмотря на перчатки. Полтонны этой «ла-ашатки» могут причинить человеку гораздо больше боли, чем несчастный пятидесятикилограммовый человек – ей.

– Если ей тяжело – чего она не бросит кататься? – воскликнула Настя. Бахтат как раз повернулся, и нам отлично видно было лицо Лиды – блестящие от пота, выбившиеся из-под защитного шлема волосы липнут ко лбу, губа прикушена...

– Наверное, потому, что она не катается, а ездит верхом? – Саша презрительно глянула на Настю и повела наш караванчик дальше.

– Ну что, девчонки, – сбылась мечта трехдневной давности? Покатались на лошадках?

– Мы не катаемся, мы ездим верхом! – с достоинством обронила я. И впервые смогла поглядеть на своего папу если не сверху вниз, то хотя бы вровень.

Физиономия у Саши стала ехидной, прям как... у моего котэ, когда он папе в ботинки Barker Black нагадил. Она демонстративно покрутила в руках поводья, за которые вела моего Портосика. Ну и что? Я же в первый раз. У меня еще все впереди.

– Не надоело? – усмехнулся папа.

– Нет! – я чуть не подпрыгнула в седле. Не хватало еще, чтоб он нас сейчас увез! Мы его еле уговорили сюда приехать! – Я еще покатаюсь! И поезжу! Мне здесь нравится! Вот!

– Знаешь, на удивление, мне тоже! Роскошное место! – Папа огляделся, глаза его блестели. – Только пахнет странно, – он дернул носом, совсем как Портосик.

– Так лошади... – подергивая плечами от почтительности и даже чуть-чуть покланиваясь, развел руками топчущийся у папы за спиной потертый человечек.

Ничего он не понимает, Портосик очень приятно пахнет! Лучше б штаны свои погладил, а то кажется, он их лошадкам пожевать дает!

– Селитра, – неожиданно буркнула Саша. – Посыпаем по периметру, от змей.

– Тут змей? – Настин голос испуганно дрогнул, она поджала ноги, точно боясь, что змея сейчас ка-ак подпрыгнет!

Папа насторожился.

Буду девочку Сашу ненавидеть, да-да! Она издевается!

– Змей нет, – наставительно сказала Саша. – Потому что посыпаем. Тут роща... – она кивнула на видневшиеся далеко за оградой деревья. – И залив... – кивок на зеленую полосу

осоки у воды. – Заползают иногда, а некоторые лошади змей боятся... – она выразительно покрутила головой. – Даже простых ужиков. Понести могут, лови их потом. Вот и посыпаяем.

– Горадминистрация прикладывает усилия, – торопливо вмешался потертый. – Денег тратится – ужас! Это в наше-то нелегкое время...

– Такие затраты... и такие территории... в сущности, ради бесполезных игрушек! – папа презрительно дернул уголком рта.

Саша перестала улыбаться и негромко, но очень внятно обронила:

– Да, в музеях тоже – зал громадный, а картинки только по стенам.

– Тут лошади, а не бабушки в маршрутке, чтоб плотно в кучку сбиваться: им простор нужен! – поторопилась влезть я.

– Ладно, развлекайся... – обронил папа, скользя по Саше невидящим взглядом, как по мебели. – А правда, сколько тут гектаров? – папа зашагал к выходу, снисходительно поглядывая через плечо на семяющего за ним потертого человечка.

– Надо смотреть по документам, – человечек засмутился.

– Вы вроде их куратор от горадминистрации?

– Я недавно! Раньше тут представитель старой, коррумпированной власти сидел.

– И что, нормально коррумпирован был? – их голоса удалялись.

– Ты... с моим папой поосторожнее, – посоветовала я.

– Его сюда никто не приглашал! – воинственно буркнула Саша, мазнула по мне взглядом, но говорить «И тебя тоже!» не стала. Ну да, мы платим, а им нужны деньги.

– Значит, тот потерханный мужик не дал денег на моих няшек? – Я решила наклониться и погладить Портосика по холке.

– Они пока еще не твои. Откуда ты знаешь, что Администратор... Подслушивала?

– Я всегда подслушиваю. А как иначе узнать то, что я хочу знать, а не только то, что другие хотят, чтоб я знала? А почему денег не дает? Не, понятно, что от жадности! – увидев выражение Сашиного лица, немедленно уточнила я. – Отмазывается чем?

– Они школе не принадлежат – ни Дама, ни пони, – нехотя выдавила Саша. – Мы их неделю назад нашли.

– Где? – ревниво спросила Настя. Я ее понимала: лошади же не колечко на пляже, где их можно найти?

– Там же, где наш клеппер погиб. На бойне, – после долгого молчания шепнула Саша.

– Кто... – я даже договорить толком не могла – ведь это просто невозможно!

– Не знаю, – отрезала Саша. – Но я обязательно узнаю, – и проводила задумчивым взглядом спешащую мимо нас завучу Светлану Викторовну.

– Ка-ак интере-есно! – протянула Настя.

– К роще поедет, или с вас хватит? – Саша одарила Настю неодобрительным взглядом и поторопилась сменить тему.

– Ты говорила, там змеи! – испугалась Настя.

– Ага, гадюки, – равнодушно согласилась Саша и с легким вздохом сожаления добавила: – Только никто из наших их ни разу не видел.

– Все равно не хочу, у меня уже ноги болят! – уперлась Настя.

– А я поеду! – заторопилась я. Пусть болят – я просто не могу сейчас расстаться со своим поником!

– Сама напросилась. Эй, Оля! Покарауль эту мелкую, пока я вторую обратно отведу. – Саша накинула повод моего пони на ограду поля, за которой, очень красиво и торжественно поднимая ножки, выхаживала та самая кремовая Дама.

– И ничего я не мелкая! – обиженно буркнула я Саше вслед, но она даже не оглянулась, вместе с Настей и Барбосиком направляясь к конюшне. Я осталась ждать, не слезая с Порто-

сика. Дама со своей всадницей подсакала с другой стороны ограды, потянулась мордочкой к моему Портосику как к старому другу.

– Какая она красивая! Прямо как... пирожное с кремом! – Поверх ограды я погладила кобылку по лбу. Дама деликатно обнюхала мою руку и отвернулась.

– Такая масть называется изабелловой. И выезджена отлично: повода слушается моментально, хлыст ей вообще не нужен... Не знаю, кто ее тренировал, но мне реально свезло – перед областными соревнованиями такое чудо отхватить! – Ольга похлопала Даму по шейке.

– А часто приходится... хлыстом? – поглядывая на свисающий с запястья Ольги тонкий гибкий хлыстик, опасливо уточнила я. Это и есть Сашин волшебный пендель?

– Да-а! Кошмар как часто! – Ольга зловеще округлила глаза. – Видела, в конюшне хлысты висят? Пока лошадь в кровь не избьешь, тебя к нам не примут, ясно?

Я критически поглядела на так называемый хлыст – широкая кожаная лопаточка на конце делала его похожим на мухобойку. Мдя, потроллить новенькую – святое дело, кто ж откажется.

– Дядя Гриша, ворота открывайте, мы к роще поедem! – издали донесся Сашин голос.

Глухо лязгнула воротная створка, от конюшни зацокали копыта...

– Ладно, вон Сашка, а нам пора работать... В смысле жестоко избивать лошадь! – исправила Ольга и демонстративно, чтоб я видела, шлепнула Даму хлыстиком-мухобойкой. Наверное, так младенца по попке шлепают.

Лошадка яростно заржала и вскинулась на дыбы. Вся такая мимимишная, а взметнувшиеся над моей головой копыта были с суповую тарелку – и не говорите мне, что такого быть не может, я сама видела! Лошадь застыла на задних ногах – передние в воздухе, – а я скорчилась в седле своего пони. Это было как... в горах под обвалом! Ты замираешь в оцепенении, а наверху, на скальном карнизе покачивается гигантский валун, и понимаешь, что один удар сердца, два удара – и каменная громада рухнет вниз... копыта опустятся – и вколотят меня в асфальт прямо сквозь седло моего пони. И все равно думать могла лишь о том, как это красиво – вставшая на дыбы кобылка. Светлые хвост и грива развеваются, копыта бьют воздух, а на спине у нее как влитая застыла Ольга – и плевать ей на закон всемирного тяготения, она не падает, лишь вперед подалась! И только опутанные поводьями пальцы – белые-белые, как у статуи! И руки закаменели в неистовом усилии!

Подчиняясь поводу, изабелловая кобылка чуть-чуть, едва заметно повернулась на задних ногах... Для меня снова включили время. Копыта обрушились на ограду в сантиметре от головы моего пони. Верхняя жердь переломилась с сухим треском. Кобылка приземлилась на четыре копыта, вскинулась снова и... Меня обдало ветром, когда она прыгнула через ограду. Грудь кобылы прошла над острыми щепками сломанной жерди. Я на миг зажмурилась, чувствуя, как эти щепки полосуют кремовую шкуру...

Копыта грохнули в асфальт, раздалось тонкое, болезненное ржание... Кобылка судорожно плясала, роняя крупные темные капли крови. Ударила задом... и снова здоровенные копыта летели прямо на меня! Мой Портосик шарахнулся... Уже разбитая ограда затрещала снова... Дама пронзительно заржала и, вытянувшись стрелой, помчалась к распахнутым воротам школы. Привстав в стременах, Ольга подалась к шее лошади...

– Стой, стой! – В распахнутых воротах заметался какой-то мужик, пытаясь то ли закрыть их, то ли удержать лошадь...

– С дороги! – пронзительно прокричала Ольга. – Я спра-а-авлюсь!

Мужик сиганул в сторону. Грохоча копытами, Дама вылетела за территорию школы.

Мой Портосик заржал, дернул головой, и... наброшенные на колышек поводья с треском лопнули. Поник брыкнул задом – ой-е! Кажется, мой позвоночник вонзился мне же в мозг! Вскинулся передними – ай-е! И со всех копыт кинулся следом за Дамой!

Растянутая, точно на картине чокнутого художника, конюшня промелькнула мимо.

– Тебя-то куда несет?! – из кустов заорал мужик.

Ага, я вот могу остановиться и только из вредности не останавливаюсь!

– Полина-а-а! – кажется, это мама. И папа: – Полина, немедленно стой!

Ой, пап, лучше б ты Портосу орал, вдруг на него твой тон произведет впечатление!

За воротами расстиралось покрытое выгоревшей травой и чахлыми кустиками поле: его отгораживал речной заливчик, заросший по берегам осокой. От заливчика тянулась чахлая полоса деревьев – та самая рощица, к которой мы должны были ехать! За деревьями пряталась трасса, даже отсюда был слышен отдаленный гул машин. По полю к роще широким галопом, какой я только в кино и видела, неслась изабелловая кобылка. Ольга застыла в седле, и понять, пытается она остановить лошадь или просто сидит, было совершенно невозможно! Увидев вдалеке подружку, мой Портосик радостно заржал – и чесанул следом. Тоже галопом! Переброшенные через голову поводья болтались у него под мордой, то и дело норовя попасть под копыта. Я поняла, чем поле отличается от манежа! Оно неровное – то есть совсем! Кочка под копытом – бум! Портосик пошел боком, я начала сползать с седла. Вцепилась обеими руками в луку. Кустик рядом – хрясь! Ветки плетью обожгли нам ноги – и понику, и мне! Я вякнула, он обиженно заржал – и прибавил ходу. Меня мотыляло в седле, как знамя на флагштоке. Пальцы на луке дрожали и скользили. Коленями, Саша сказала – держаться коленями! И я сжала ноги изо всех сил... Портосик всхрапнул... и понесся, будто я на скором поезде еду! Мир вокруг подпрыгивал и трясся, сливаясь в сплошную мешанину красок: синие мазки неба вертелись, смешиваясь с зеленью травы под копытами и блеском воды в заливе... Если-я-сейчас-что-то-не-сделаю-мне-хана! Я потянулась к болтающимся под мордой пони поводьям... Пони ударил задом, меня швырнуло ему на шею. Он гневно заржал, вскинулся на задние ноги, я отчаянно обхватила его за шею обеими руками. Седло начало сползать набок вместе со мной. Если Портосик сейчас угодит копытом в эту канавку... вот тут-то нам и конец!

Я успела увидеть, как изабелловая кобылка с Ольгой в седле на полном скаку пересекла открытое пространство – и исчезла в рощице.

– Ау-у! – взвыл воздух, и мимо меня с гулом паровоза пронесся громадный конь. Бахтат мчался точно ожившая гора – его грива и хвост развевались, глаза сверкали, выпуклая черная грудь лоснилась на солнце и, казалось, застилала собой весь мир! Портосик шарахнулся с пути гигантского коня, мои мокрые от пота руки скользнули по гладкой шкуре, и я поняла, что сейчас улечу под копыта... Скачущая на Бахтате девчонка даже не оглянулась, только привстала в стремях, хищно вглядываясь в качающиеся ветки, за которыми скрылась Дама со своей всадницей, – и тоже исчезла за деревьями.

– Держись! – ко мне на серой лошади скакала Саша. За ней, прыгая по кочкам, скакал черный джип – наверняка со всем моим семейством. Но Саша успела раньше. Она как акробатка перегнулась с седла и подхватила болтающиеся под ногами Портосика поводья. Портосик еще пытался бежать, но Саша уже навязывала ему свою волю. Толчки и рывки стихли, движение подо мной стало мягким и плавным, мир вокруг перестал крутиться и дергаться, я поняла, что Сашина лошадь уводит моего Портосика на широкий круг. Идущие бок о бок две лошади – большая и маленькая – плавно описали четкую, точно циркулем вычерченную, дугу, внутрь ее вписали еще одну, и еще, закручивая на поле похожую на раковину улитки спираль. И с каждым поворотом голова у меня кружилась все сильнее, руки-ноги дрожали все отчетливей...

– Вот только сейчас не вздумай сверзиться! – рявкнула у меня над головой Саша.

Я судорожно сомкнула пальцы на луке седла... и Портосик остановился. Его бока подо мной раздулись... и опустились. Я попыталась расслабить закаменевшие в судороге мышцы... и мешком свалилась на землю. Пони – маленькая лошадка, когда стоишь с ним рядом, а когда ты с него падаешь, так он ужас какой большой!

Джип заложил крутой вираж, обдав сухой землей и травой из-под колес, и встал. Ой, спасибо, что не задавили меня от большого беспокойства за меня же! Все четыре дверцы распахнулись – прям лепестки цветка на рассвете, – и оттуда, чисто семечки, сыпанули: папа из-за руля, мама с пассажирского, тетя Ася, тетя Наташа, Настя, завуч Светлана Викторовна... последним, сплюснутый, будто все сидели на нем, выпал мужик из администрации. И вся эта толпа ринулась ко мне!

Аа-а, помогите! Если меня лошади не потоптали, от любящей семьи я точно не увернусь! Я принялась в темпе подгребать под себя руки-ноги и вскочила. Ну, во всяком случае, попыталась.

– Где болит?! Что расшибла?! – первой до меня добежала мама и принялась ощупывать и вертеть во все стороны. Хоссподяаа, какое счастье, что тут парней нет, она же меня сейчас раздевать приметя на предмет осмотра!

– Как вы могли?! Нарушение техники безопасности! Девочка могла покалечиться! – Администратор наступал на Светлану Викторовну, как домашний попугай на кошку. Та брезгливо пятилась: точно кошка под присмотром хозяйки – сожрать попугая нельзя, терпеть невозможно.

– Девочку надо в больницу! – квохтала тетя Ася – еще одна представительница семейства птичьих. И нашего заодно.

– Девочку не надо в больницу! – выдираясь из маминых объятий, наконец выдохнула я. – Девочке... мне то есть... сперва надо посмотреть, куда ускакала Дама, потом ответить Портосика в денник, а потом заехать в магазин!

– Зачем? – прекращая мять мне кости, изумилась мама.

– Купить черные бриджи! В этих розовых я как полная идиотка! – горестно разглядывая покрытое конскими слюнями, соплями, пятнами навоза и травы бриджики, вздохнула я.

– Ты по-прежнему хочешь сюда ходить? – настороженно спросил папа.

– Могу на велике ездить! – воинственно окрысилась я. – Наш дом вообще-то на другой стороне заливчика... – я ткнула пальцем в отчетливо видные через залив дома нашего поселка. – Если через деревянный мост – двадцать минут. – Узенький деревянный мост был чуть выше по заливу, в отличие от солидного автомобильного, до которого отсюда пилить и пилить.

Светлана Викторовна поглядела на меня с одобрителем интересом. Саша протянула поводья Портосика.

– За Даму не волнуйся, вон ее девчонки ведут, – выпалила она и потерянно добавила: – Лида ведет.

Из-за отгораживающей трассу полосы деревьев действительно появилась та самая девчонка, что пронеслась мимо на Бахтате. Она шла пешком, ведя в поводу двух лошадей – огромного черного жеребца и изящную кремовую кобылку. О-о, они так смотрелись вместе, это был самый потрясающий pairing! И третий, в смысле третья, Лида, тут была совершенно лишняя. А Ольги так вообще не было. И я почему-то не думала, что она просто не хотела Бахтату с Дамой мешать.

Мы стояли, сбившись в кучку: Сашина кобылка, толстенький пони, много-много людей и мужик из администрации в мятом костюме. Они приближались: девчонка и два роскошных коня. Вот они подошли совсем близко. Дама выгнула свою чудную гибкую шейку и тоненько жалобно заржала, будто хотела нам что-то сказать. Держащая обоих коней Лида поглядела на нас большими такими, круглыми глазами – и выдохнула:

– А Ольги нет!

– Мы видим, – впервые открыла рот Светлана Викторовна.

– Вы не понимаете... – беспомощно сказала Лида. – Дама зацепилась поводьями за ветки... а Ольги нет.

– Не может ее нигде не быть! – пожала плечами Светлана Викторовна. – Саша, позаботься о Полине и Портосике! Вы... – она повернулась к папе, – вы нам поможете?

Папа нахмурился, но мама одарила его многозначительным взглядом и согласно кивнула.

– Тогда проедьте на своем джипе вдоль трассы, вдруг девочка после падения туда выбралась. А я верну Даму в конюшню, возьму другую лошадь, дядю Гришу, и мы осмотрим рощу.

– А можно я сразу начну осматривать? – встряла Лида, протягивая поводья Дамы Светлане Викторовне. – Вдруг Олька расшиблась и лежит где-нибудь... А я тут все места знаю! Ну пожалуйста, Светланочка Викторовна! – голос у Лидки нервно подрагивал.

– Не волнуйся! – твердо, будто успокаивая лошадь, бросила завуч, подумала и разрешила: – Ладно, езжай пока, я быстро.

Лидка вскочила на Бахтата, миг – и они снова скрылись в роще.

– Мы ее найдем, – повторила Светлана Викторовна, уводя Даму к конюшне.

Мы искали до вечера. Папа с мамой ездили вдоль трассы. Светлана Викторовна и тот мужик у ворот – дядя Гриша, обыскали всю рощу. Лида рыскала вдоль залива, так что Бахтат был мокрый чуть не по гриву... Ольгу не нашли. И домой она не вернулась.

Глава 3

Саша

– Помогите!

Голос звучал придушенно и тихо, именно эта придушенность заставила меня рвануть от порога конюшни – не иначе как новенькую в деннике притиснули и она выбраться не может! Хотя, судя по сдавленному хрипу, ее не просто боком к стенке прижали, а встали четырьмя копытами на грудь!

– Помогите-е-е-е! – хрип перешел в пронзительный, переходящий в ультразвук вопль. Из денника Дамы пулей вымелась та самая баба с сосиской... тетьа нашей новенькой. И как дневное привидение понеслась между денниками, размахивая широкими рукавами шифоновой разлетайки. Я отпрыгнула, давая шифоновой тушке просвистеть мимо, но она вдруг резко свернула – вот бы лошадь научить так поворачивать! – и с разбегу прижала меня к деннику Бахтата. Схватила за прутья двери, будто боялась, что ее унесет. Огромные, полные ужаса глаза на круглом и бледном, как непропеченный блин, лице оказались прямо напротив меня, и с усилием, как пробку из бутылки, она выдавила:

– Она... не только сосиски ест! Она съела всадника!

– Кого? – обалдело переспросила я.

– Откуда я знаю – она ж его всего съела, до костей! Только сапог остался! – взвизгнула тетушка. – Ваши лошади – людоеды!

Из денника, привлеченный шумом, высунул морду Бахтат... и потянулся губами к вцепившимся в прутья пухлым пальцам. Мне в уши точно бурав ввинтился – тетка визжала самозабвенно, широко раззявив рот и открыв глаза:

– Он хочет откусить мне палец!

– А вы их уберите, пальцы-то! Ему тогда сложнее будет, – предложила я.

Тетка отскочила – прямо к деннику Симки. Кобылка тоже высунула любопытную морду – что за шум, а скачек нету? – идохнула тетке в прическу. От нового вопля воробьи под крышей дружно встали на крыло – в ворота конюшни их вынесло всех разом: визжащая тетка мчалась по земле, мелко трепещущая крылышками стайка шла поверху.

– Надеюсь, она испугалась не так сильно, как воробьи – мне ж это отмывать! – буркнула я, разглядывая оставшуюся за воробьиной стайкой дорожку из белых отметин. И побежала к деннику Дамы.

Кобылка изящно переступила копытцами, точно хвастаясь синим, удивительно гармонирующим со шкурой вальтрапом и аж блестящим от новизны седлом. В начищенных стремянах торчал... старый сапог. Один. Из сапога... из сапога свисала оторванная нога – действительно обглоданная до костей. Кости лаково поблескивали в свете ламп.

– Лошадь же не могла и вправду кого-то съесть? – спросил Администратор, на всякий случай держась подальше от денника.

– Проверьте по списку, вдруг кого-то не хватает, – предложила Светлана Викторовна.

– Как, если ваши ученики не соблюдают никакой дисциплины? Приезжают когда хотят, хватают лошадей... руками. Вот что я теперь скажу уважаемому Игорю Петровичу, брату уважаемой Аси Петровны? – при упоминании отца нашей новенькой голос Администратора зазвучал зловеще.

– Скажете, что вы урезали нам финансирование, вот лошадям и приходится... искать подножный корм. – Светлана Викторовна задумчиво поглядела на торчащую из сапога скелетную ногу.

– Это в прежние, коррумпированные времена можно было бюджетные деньги на всяких тварей... распиливать, а сейчас деньги нужны... людям! На национальное и государственное строительство! И международный авторитет страны!

– Раньше мы неплохо работали на международный авторитет страны, – процедила завуч.

– Вы эти совковые воспоминания бросьте – в современном мире никому ваши лошади не нужны! Разве что парочке малолетних дурочек! – Администратор высокомерно задрал головенку с прилизанными волосами. Выглядывающий из соседнего денника Арсенал, видно, решил, что они недостаточно прилизанные и смачно провел по ним языком. Мужик взвизгнул не хуже самой тети Аси.

– А можно одна малолетняя дурочка пройдет? – кротко попросила я. Скользнула мимо него в денник и вытащила из стремени сапог вместе с ногой. – На заднем дворе закопаю... вместе с обглоданными костями предыдущих жертв... и растоптанной сосиской. – Я дернула за скелетную ногу. Со стуком костяшек та выпала из сапога, и я рванула в седловую с сапогом в одной руке и ногой скелета – в другой.

Одно дергающееся в судорогах тело распласталось поверх сундука с седлами, другое, бессильно прижимая ладони к животу, скорчилось в углу. Добьем, чтоб не так мучились: я от порога запустила сапогом в новенькую и навернула скелетной ногой Лидке по спине. Ответом мне был задушенный вой – обе зажимали себе рты ладонями, корчась от хохота.

– Пошутили? – сдавленным шепотом – чтоб не услышали в конюшне – процедила я. – Ладно, эта коза богатенькая тетку запугивает, а ты какого фига участвуешь? Это ж твой скелет! – потрясая гремющей ногой, я приступила к Лидке. Костяные пальчики ткнулись ей в нос. – Ты у нас в биологическом лицее учишься!

– Мой скелет при мне! – выдавила Лидка. – Эту ногу я у биологички взяла!

Две ненормальные снова зашлись в беззвучном хохоте, видно представив, как Лидка изымает ногу у биологички.

– В кладовке! – простонала она. – Там этих некомплектных скелетов... – она помахала рукой, давая понять, что много. – Так почему не помочь хорошему человеку? – она кивнула на новенькую. – Она целый багажник лошадячьей жратвы приперла!

– Тетя Ася живет у нас: у нее от развода душевные терзания... а у нас свежий воздух. И за квартиру платить не надо, – отсмеявшись, выдохнула новенькая.

– Берите с нее за выдыхивание... выдышивание... за ваш свежий воздух – уедет! Ты не могла бы решать свои проблемы дома, а не здесь? – злобно поинтересовалась я.

– Не могла бы, – отрезала она. – Тетя Ася не хочет «быть нахлебницей», – она скроила настойчиво-просительно-простодушную физиономию, явно изображая тетку. – Она нам помогает. Ездит со мной сюда. А потом рассказывает, что тут грязно, плохо пахнет, в навозе глисты, на лошадях опасно, а девочки грубые и постоянно ругаются.

– Вот ж... толстая! – со всем гневом невинно оскорбленной высказалась Лида. – И ничего мы не ругаемся!

Что, в общем-то, правда – слышала я, как она в самом деле ругается, а это так, просто немножко эмоций.

– Мама пока еще держится, а папу она уже зомбирovala – он начал выступать на тему, а не запретить ли мне таким опасным спортом заниматься. Сегодня тетя Ася решил добить семейство страшной историей о том, как лошади людей едят... и меня оставят в покое.

Я б в такой ситуации скандалила, обижалась, но так подставить тетку, чтоб та сама себя сумасшедшей выставила и на ее слова никто бы даже внимания больше не обращал, – нет, не додумалась бы!

– Теперь я понимаю, как олигархи народ дурят, – важно сообщила Лида. – Это у них природное свойство, в ДНК прописано, генетически передается.

– Особенности воспитания, – не согласилась я. Новенькая надулась.

– Хочу напомнить, что соревнования приближаются, – в дверь заглянула Светлана Викторовна. – Нам очень нужны победы, если мы хотим сохранить хотя бы то скудное финансирование, которое горадминистрация нам оставила. Костик уже работает Арсенала. А ты... Если Дама завтра-послезавтра будет в норме, готовься на ней по выездке, – скомандовала она Лиде.

– Правда?! Можно?! – Лида замерла, восторженно глядя на Светлану Викторовну.

– Должен же кто-то выступать, – пробормотала та и тут же спохватилась: – Ты отлично справишься, еще полно времени на подготовку. И снимите с Дамы это седло! – бросила она новенькой. – Если седлаешь лошадь без спроса, делай хотя бы правильно – подпруга затянута так, что кобылу скоро пополам перережет, – она кивнула и вышла.

– Поздравляю! Дама для выездки даже лучше Симки, я видела, как Ольга с ней тренировалась!

– Хоть с выездкой все нормально, – Лида ответила мне кривой улыбкой: в сущности, я напомнила, что лошадь она получила только потому, что Ольга исчезла... а соревнования остались. А я и не пытаюсь прикидываться святой! Нечестно: почему на Даме ездит кто угодно, кроме меня? Вон даже новенькая на нее целится!

– Спорим, на конкур она меня на Бахтате засунет? – продолжала бурчать Лида. – Как будто на этом танке можно выиграть! Он же прет куда сам хочет!

Да хоть Бахтат – все лучше, чем как я: все к соревнованиям готовятся, а я денники чищу!

– Недавно ты на нем очень даже неплохо справилась, – откомплементалила ее новенькая.

Мы с Лидой переглянулись. Справилась она нормально – с Бахтатом. Но ведь Ольгу так и не нашли. Ее шлем нашли в стороне от того места, где Лида обнаружила Даму, – на уходящей от основной трассы проселочной дороге. Внутри шлем был испачкан кровью. Милиция привозила собак, обыскиали все окрестности по нашу сторону залива. Вроде бы нашли свидетеля, видевшего на том проселке «жигуль» с молоденькой девушкой, спавшей на заднем сиденье, но правда ли она спала или была ранена, и была ли это Ольга, никто сказать не мог. На приехавших с милицией Ольгиных родителей мы все старались не смотреть. Слова «маньяк» и «похищение» витали в воздухе, на конный и с конного я теперь ездила только на такси и маялась совестью, что родителям приходится столько денег тратить. А ведь я даже в соревнованиях не участвую!

– А вот я пойду и спрошу насчет конкур! – объявила Лида.

– Может, не надо? – крикнула я ей вслед, но Лидка уже выскочила из конюшни. – Лиде победа нужна не меньше, чем Светлане Викторовне, – пояснила я новенькой. – Из своего биологического лица она может в Англию поступить, у них специальные факультеты для конников есть.

– Equestrian Department, – кивнула новенькая. Она была в курсе.

– Там победы нужны, чтоб ей грант на обучение дали. А Светлана Викторовна на соревнованиях больше Костику выдвигает... ну и Ольгу... выдвигала.

– Слушай, а вот эти хлысты... – новенькая вдруг показала на стенку, где на крючках ровненько, как по линейке, висели хлысты. Светлана Викторовна у нас выездюк, а все выездюки – психи насчет аккуратности. Я тоже.

– ...их каждый может взять? – она зачем-то осторожно, точно боясь обжечься, дотрагивалась кончиком мизинца до хлопучек хлыстов.

– Каждый, – буркнула я. Ну да, какая ей разница, кто и на ком поедет? Ей папочка любую лошадь купит, а надо будет – и любые соревнования.

– На барьерах Ольга была с хлыстом, я помню, – новенькая прикоснулась к пустому крючку. – А потом его нашли?

Я нахмурилась: действительно, одного хлыста не хватало. А ведь этот крючок уже пару дней пустует, вдруг сообразила я.

– Специально хлыст никто не искал. Хотя в роще и вдоль дороги так все облазили, что завалейся он где-нибудь в кустах – наверняка бы заметили... Хотя у Ольги свой хлыст был! – добавила я. Но ведь и его не нашли, даже с собакой. А правда, куда он делся?

– Пошли снимем с Дамы мое седло! – новенькая опять резко сменила тему. Я только плечами пожала.

– Ой, а поседлала-то, поседлала! – я всплеснула руками – точь-в-точь моя бабушка, когда видит прополотую мной грядку на даче. Не, на самом деле неплохо для первого раза, но новенькая и так от передозировки скромности не помрет. – Снимай! Куда сразу за подпругу хватаешься! Сперва заправь стремяна... Седло снимай только вместе с вальтрапом... И поможешь мне ссадины ей намазать. – Лида свинтила к Светлане Викторовне – так не мучиться же лошади! Я вытащила из ящика мазь с антисептиком и принялась обрабатывать царапины от щепок и веток на груди Дамы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.